

Bong

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

«ЖИЛИ-БЫЛИ
В МОСКВЕ...»

ЛЕРМОНТОВ,
ГОГОЛЬ, ЧЕХОВ
И ТОЛСТОЙ

 ЭТЕРНА

2023

УДК 94 (470-25)
ББК 63.3 (2)
В19

Дизайн серии – *Александр Зарубин*

Васькин А.А.

В19 «Жили-были в Москве...»: Лермонтов, Гоголь, Чехов и Толстой. – М.: Этерна, 2023. 488 с.: ил. – (История Москвы с Александром Васькиным).

ISBN 978-5-480-00344-4

Московская жизнь четырех великих русских писателей – Михаила Лермонтова, Николая Гоголя, Антона Чехова и Льва Толстого – составила содержание этой интереснейшей книги. Не все из них были москвичами по рождению, но стали таковыми благодаря своей непрерывной связи с Первопрестольной, которой они посвятили немало страниц своих замечательных произведений. Мы узнаем, где именно в Москве жили и работали выдающиеся писатели, чем занимались, что написали. И в каких произведениях отразили московское житье-бытье. Новую книгу Александра Васькина можно сравнить с путеводителем по разным историческим эпохам, ибо творчество каждого из перечисленных литераторов является неоспоримым вкладом в мировую литературу.

УДК 94(470-25)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-480-00344-4

© А.А. Васькин, 2023
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Глава 1 Михаил Лермонтов: «Москва – моя родина»	9
<i>В доме у Красных ворот: «Октября 2-го...»</i>	10
<i>И вновь в Москве, на Поварской</i>	25
<i>«Молодежь мечтает о конституции»</i>	27
<i>«Зачем вы его наняли учить меня? Он ничего не знает»</i>	30
<i>«Шалун был отдан в модный пансион»</i>	37
<i>Государь и «неприличный образ мыслей», или Как Николай I</i> <i>Лермонтова из пансиона «уволил»</i>	45
<i>Малая Молчановка: «Марание стихов»</i>	53
<i>«В Большом театре я сидел»</i>	63
<i>«1830 года в начале»: из Благородного пансиона в Благородное собрание</i>	70
<i>«В Московском университете царит скверный дух...»</i>	78
<i>«После обеда к Мартыновым: Лермонтов любезничал...»</i>	94
<i>В Петровском замке: «Я здесь принят был очень хорошо...»</i>	108
<i>На Манежной: «В лице Печорина изобразил самого себя»</i>	115
Глава 2 Николай Гоголь: «Тянет меня в Москву!»	121
<i>В Москве проездом</i>	122
<i>На Мясницкой, у Погодина</i>	130
<i>В гостях у Аксаковых: «Эффект был сильный»</i>	134
<i>К Загоскину, в Денежный переулок</i>	139
<i>В Большой Каретный, к Щепкину</i>	142
<i>К Максимовичу, на Мещанскую</i>	149
<i>На приеме у врача</i>	153
<i>Гоголевские чтения: «Слушатели задыхались, корчились,</i> <i>ползали на четвереньках»</i>	155
<i>«Приеду к вам в Москву обновленный»</i>	160
<i>На Девичьем поле. Гоголь: «Люблю я макароны!»</i>	163
<i>В Воротниковском, у Нащокина</i>	167
<i>Николин день</i>	172
<i>На Страстной бульвар</i>	174
<i>Поклонная гора: «Я был так оболванен в Москве...»</i>	175
<i>Осень 1841 года: в Москву с «Мертвыми душами»</i>	180
<i>В цензурном комитете, на Моховой</i>	185
<i>На Тверской, у генерал-губернатора</i>	189
<i>Прощай, Москва!</i>	193
<i>Случай на Тверской заставе</i>	199
<i>У Шевырева в Дегтярном переулке</i>	204
<i>Последний адрес. Никитский бульвар</i>	207
<i>В гостинице «Дрезден», у Смирновой-Россет</i>	211
<i>Гоголевские среды</i>	216
<i>В Пашковом доме</i>	222
<i>Встреча с «изувером». Конец</i>	226

Глава 3	Антон Чехов: «Я московский Гамлет»	237
	«В Москве мне скучно»	238
	«Прилечу в Москву на крыльях»	247
	Московский университет: «Скучная история»	251
	«Наш Соболев переулоч – это рабовладельческий рынок» ..	256
	Чехов в Манеже и Благородном собрании	263
	Завсегдатай московских трактиров	267
	«Я ужасно полюбил Москву»	275
	«Мой новый адрес: Якиманка»	278
	«Квартиру нашел я себе в Кудрине на Садовой»	287
	В кудринском «комоде»: «Место чистое, тихое и отовсюду близкое»	293
	Московский «Иванов»: Чехов-драматург	300
	«Сердечная преданность». Визит Чайковского	304
	На Ярославском вокзале... ..	310
	«Дрезден», «Лувр» и «Мадрид»: Чехов в московских гостиницах ..	317
	«Москвич не может жить без нищих»	322
	Венчание с Ольгой Книппер	325
	«Вишневый сад» в Царицыне	329
	В последний путь: Москва хоронит Чехова	334
Глава 4	Лев Толстой: «Москва – женщина, она – мать»	341
	Детство на Плющихе: «Смутно помню эту зиму...»	342
	Сивцев Вражек: «Я жил в Москве очень безалаберно...»	363
	«На бал к Закревским...»	376
	Английский клуб на Тверской улице	381
	«Остановился у Шевалдышева»	385
	Пятницкая: «Поселились в меблированных комнатах Варгина»	390
	«У князя Волконского» на Воздвиженке	400
	Ресторан Шевалье в Камергерском	406
	«Был на Николаевском вокзале»	415
	После свадьбы: «Деньги мне давал Лев Николаевич»	420
	В мастерской у Ильи Репина	424
	«Мне дом в Хамовниках не нужен, покажите мне сад»	431
	485

Список литературы

От автора

Удивительный город – Москва... Казалось бы, сколько уже сказано о нем. Но лучше, чем русские литераторы, о Первопрестольной, кажется, никто еще не писал. Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Антон Чехов, Лев Толстой – эти имена золотыми буквами вписаны в историю не только российской, но и мировой литературы. Мы гордимся тем, что когда-то эти писатели жили и творили в Москве, ставшей местом действия многих их произведений. И не так важно, что москвичом по рождению был лишь один Лермонтов. Гоголь родился на Полтавщине, Чехов – в Таганроге, а Толстой в Ясной Поляне. Но всё равно все они были москвичами, самозабвенно полюбив наш город, где раскрылся их уникальный талант, появились на свет лучшие книги и пришло признание читателей...

Книга, что вы держите в руках, посвящена московской жизни великих русских писателей. Мы прогуляемся маршрутами Михаила Юрьевича, пройдемся вместе с Николаем Васильевичем по его любимым адресам, заглянем в дома, где когда-то жил Антон Павлович, побродим со Львом Николаевичем по улицам Москвы. Я не называю фамилий – а зачем? В нашей стране достаточно лишь назвать имя-отчество писателя, чтобы сразу стало ясно, о ком идет речь. Это ли не свидетельство глубокой любви нашего народа к лучшим представителям русской литературы? И пусть эта книга послужит еще одним признанием сего факта...

ГЛАВА

1

*В доме у Красных ворот: «Октября 2-го...»
И вновь в Москве, на Поварской
«Молодежь мечтает о конституции»
«Зачем вы его наняли учить меня? Он ничего не знает»
«Шалун был отдан в модный пансион»
Государь и «неприличный образ мыслей»,
или Как Николай I Лермонтова из пансиона «уволит»
Малая Молчановка: «Марание стихов»
«В Большом театре я сидел»
«1830 года в начале»:
из Благородного пансиона в Благородное собрание
«В Московском университете царит скверный дух...»
«После обеда к Мартыновым: Лермонтов любезничал...»
В Петровском замке: «Я здесь принят был очень хорошо...»
На Манежной:
«В лице Печорина изобразил самого себя»*

Михаил Лермонтов:
«Москва – моя родина»

В доме у Красных ворот: «Октября 2-го...»

Многие поколения выросли на произведениях Михаила Юрьевича Лермонтова. Неслучайно наиболее известные его стихотворные строки давно уже стали хрестоматийными: «Скажика, дядя, ведь недаром...», «Белеет парус одинокий...», «И скучно, и грустно, и некому руку подать...», «Люблю отчизну я, но странную любовью!», «Погиб поэт! – невольник чести...». И конечно, «Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ...», не потерявшее актуальности и сегодня.

Искренне любивший Россию, Лермонтов, по словам Николая Добролюбова, «умел рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе». Литературный критик подчеркивал, что доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно. А какое неоспоримое влияние оказало стихотворение «Бородино» на современников и их потомков! Именно это произведение назвал Лев Толстой «зерном» своего романа-эпопеи «Война и мир». А Виссарион Белинский увидел в «Бородине» «жалобу на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел».

Отрадно сознавать, что первые стихотворные строки поэта сочинены им в родном городе – Москве, здесь получило развитие его уникальное дарование, со всей силой и мощью проявился литературный талант, а многие замыслы обрели реальное воплощение. А появился на свет великий русский поэт в ночь со 2 на 3 октября 1814 года. И вот что интересно: если место рождения еще одного великого поэта – Пушкина – долгое время служило предметом споров и обсуждений, то место рождения Лермонтова давно и точно известно. Это дом Толя у Красных ворот.

Кто был этот Федор Николаевич Толь? Генерал-майор в отставке, обер-полицмейстер Москвы в 1785–1790 годах. Обер-полицмейстер – это не просто главный полицмейстер и начальник городской полиции, но еще и чиновник с правами градоначальника. В Москве он отвечал не только за поддержание порядка, но и за торговлю, исполнение вышестоящих предписаний по управлению городской жизнью, соблюдение чистоты на улицах, пожарную охрану и прочее. Подчинялся московский обер-полицмейстер генерал-губернатору.

Именно Федор Толь в 1785 году направил Екатерине II отчет о положении дел в Москве, когда императрица пожелала впервые после долгого перерыва провести в городе ревизию. Отчет этот крайне интересен и называется «Ведомость сколько в здешнем городе Москве состоит разного звания людей, положенных и неположенных в подушный оклад и коликое число церквей, монастырей, фабрик, заводов и прочего строения казенного и партикулярного, рек и торгов, здесь бываемых».

Вид площади
у Красных
ворот.
Художник
К.Ф. Бодри,
1844

Толь в этом отчете посчитал всех – и мужчин, и женщин, и дворян, и мещан, и солдат, и извозчиков, и даже «бегающих на пожар обывателей», коих оказалось более семи тысяч. А всего в Москве проживало почти 222 тысячи человек. Екатерина II тогда получила полнейшее представление о наличии в Москве церквей и аптек, харчевен и цирюлен, кузниц и мельниц, а еще узнала, что «рек здесь две. Первая – Москва-река, по которой приходит на барках из разных городов по реке Оке разный хлеб, и снизу по Волге – лес и камень, а сверху по оной Москве-реке из разных селений пригоняют в плотках строевой и дровяной лес; вторая – Яуза, да три речки: Неглинная, Синичка и Хапиловская. По оным четырем никакого судового хода по малости их не имеется, а есть по некоторым мельницы. Течением же пали Яуза и Неглинная в Москву-реку, а Синичка и Хапиловская в Яузу».

А благодаря другому письму, написанному Толем одному из своих адресатов 29 октября 1812 года, мы можем судить о том, что творилось в доме у Красных ворот за два года до рождения Лермонтова. «В доме у меня все разграблено; трое стенных часов, картины, портреты, мебель, книги и планы мои все растащены, ваш и мой портрет тоже унесены <...> В доме почти все стекла разбиты, по причине что французы подорвали порохом весь артиллерийский полевой двор, который близко к моему дому был... Правда сказать, что французы не столько нас разграбили, как наши русские, крестьяне подмосковные, приехавши в Москву, <....> в деревнях, лежавшихся вокруг в Москве, набиты разграбленными вещами и мебельми. Ужасно жить теперь в Москве...» Подробности, сообщаемые Толем в письме, отражают те печальные реалии, в которых оказалась златоглавая Москва после пожара и французского нашествия. И в год рождения Лермонтова всё в Москве еще дышало атмосферой недавних драматических событий...

Итак, Лермонтов родился в доме, пережившем 1812 год. Кажется, что это было предназначено самой судьбой. Ведь тема Отечественной войны 1812 года явится основной для одного из его известнейших произведений. Помните?

*– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

Стихотворение это, сочиненное поэтом к четвертьвековому юбилею Отечественной войны, было написано в 1837 году. День Бородина помнили и в семье Лермонтова, ведь братья его бабушки относились именно к той категории соотечественников, которых поэт воспел в своем стихотворении: «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя».

Могучее племя в семействе Лермонтовых представляли Дмитрий Алексеевич и Афанасий Алексеевич Столыпины, участники многих войн и сражений, а последний воевал и в Отечественную войну 1812 года, при Бородине. Его поэт и вовсе звал «дядюшкой», пользуясь разницей в годах почти в четверть века. Тот самый дядюшка и сочинил «Рассказы Афанасия Столыпина о действиях гвардейской артиллерии при Бородине», ставшие для внучатого племянника подлинным источником по истории сражения. Недаром критики отмечали, что «это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии». Артиллерист Афанасий Алексеевич Столыпин и был тем солдатом, слова которого буквально впитал в себя Лермонтов. Мало сказать, что Михаил Юрьевич уважал своих боевых предков, он хотел олицетворять себя с ними и потому выбрал для себя военную стезю.

Современник Лермонтова Виссарион Белинский отметил: «Мы, юноши нынешнего века, мы, бывши младенцами, слышали от матерей наших... об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа». Но не только матери, а и домашние учителя, в роли которых выступали оставшиеся в России пленные французы, могли поведать своим воспитанникам

о войне 1812 года. Был такой учитель и у Лермонтова – бывший офицер-гвардеец наполеоновской армии Жан Капэ, переkreщенный в России в Ивана. Свою лепту в историческое образование будущего поэта вносили и пензенские крестьяне – участники Отечественной войны 1812 года. Интересно, что у Пушкина в эту войну не воевали ни отец Сергей Львович, ни дядя Василий Львович, поэт, которого Александр Сергеевич называл своим «парнасским отцом». Быть может, и по этой причине «Бородино» сочинил Лермонтов, а не Пушкин.

А как упоминается в «Бородине» Москва? «Не будь на то господня воля, / Не отдали б Москвы!» Или: «Ребята! не Москва ль за нами? / Умремте ж под Москвой». Так горячо воспринял Лермонтов передававшуюся ему от представителей старшего поколения любовь к Первопрестольной.

Лермонтов родился в Москве послевоенной, спалённой, когда город понемногу оживал, возрождался, возвращался к жизни. Но раны, нанесенные войной, были слишком тяжелыми. От того отчета, что был составлен Толем для Екатерины II, остались жалкие крохи. Современница тех событий Я.П. Янькова утверждала, что пожар уничтожил восемь тысяч зданий. Историк Москвы И.К. Кондратьев оценивал потери так: «Из 9158 строений уцелело только 2626, и то большей частью в предместьях города и в частях Мясницкой и Тверской, где располагались караулы французской армии».

Официальные итоги пожара нашли свое воплощение в генеральном плане столичного города Москвы 1813 года, который сообщает, что после пожара сохранилось 2655 зданий. Карта города 1813 года иллюстрирует географию пожара, согласно которой в наибольшей степени пострадали от огня Кремль и Китай-город, Пятницкая, Якиманская, Пречистенская, Сретенская, Яузская, Басманная, Таганская и Рогожская части, уцелели же в основном периферийные районы: Лефортово, Покровка, Пресня и Хамовники...

Во всех своих бедах тогдашние москвичи винили генерал-губернатора Федора Васильевича Ростопчина, отправленного в отставку Александром I незадолго до рождения Лермонтова,

в августе 1814 года. Именно Ростопчин в кратчайшие сроки и организовал поджог Первопрестольной перед ее сдачей врагу, поскольку узнал об оставлении города одним из последних (он не был приглашен Кутузовым даже на Военный совет в Филях). Но со временем отношение к графу изменилось. Интересно, что в дальнейшем судьба сведет Лермонтова с невесткой Ростопчина, поэтессой Евдокией Петровной Ростопчиной. Москва была пожертвована ради спасения России. Именно древняя столица взяла на себя роль искупительной жертвы уже не по воле какого-либо генерала или чиновника, а по «господней воле», как пишет Лермонтов.

Семья Лермонтовых приехала в Москву летом 1814 года – мать Мария Михайловна (1795–1817), отец Юрий Петрович (1787–1831) и бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773–1845). Нельзя сказать, что между всеми членами семьи царило согласие. Отношения между зятем и тещей не заладились изначально. Елизавета Алексеевна видела для своей дочери партию куда более, на ее взгляд, выгодную, чем отставной и небогатый капитан, хотя и с шотландскими корнями.

Так бывало и бывает нередко: люди, возвысившиеся случайно и мимолетно, вместе с богатством приобретают и чувство превосходства над теми, кто еще совсем недавно стоял с ними в одном ряду. Род Столыпиных, к которому принадлежали мать и бабушка поэта, не отличался древностью: первый документ, подтверждающий возникновение фамилии, относится ко временам царя Алексея Михайловича. Столыпины владели землями в Муромском уезде.

Прадед Лермонтова, симбирский и пензенский помещик Алексей Емельянович Столыпин, выдвинулся при Екатерине II благодаря винным откупам. Многие откупщики, кстати говоря, стали в этот период богатейшими людьми, владельцами дорогой недвижимости в Москве (взять хотя бы Пашкова, которому принадлежал и поныне известный дом на Моховой улице). Столыпин был близок к фавориту императрицы, графу Алексею Григорьевичу Орлову. Современники отмечали, что Алексей Емельянович Столыпин «нигде ничему не учился, о Мольере и

Расине не слыхивал, с молодых лет бывал задирой, забиякой, собутыльником Алексею Орлову». Так что поговорка «из грязи в князи» как будто про него сложена.

Детей Алексей Емельянович имел одиннадцать человек! Шестеро сыновей и пять дочерей. Один сын стал сенатором, другие – генералами, что давало им основание, как полагал С.М. Загоскин, кичиться «гордостью и важностью своего рода, хотя род этот ничем не выдавался и никогда не отличался никакими заслугами отечеству, а был известен только по своему значительному состоянию и, вследствие того, довольно знатными родственными связями».

Спесивые Столыпины в упор не видели Лермонтовых. Действительно, что способен был противопоставить Юрий Петрович столь солидному багажу своей невесты Марии Михайловны? Такого числа вельможных родственников у него не имелось. Правда, мог он поведать о том, что далекий предок его Георг Андреев Лермонт, уроженец Шотландии, попал в плен к русским осенью 1613 года при осаде польской крепости Белой (ныне это место находится на Смоленщине). Оставшись в России, Лермонт поступил на «государеву службу», за отличия на которой его пожаловали в 1621 году поместьями в Галичском уезде Костромской губернии. Известно, что дослужился он до ротмистра и погиб на полях сражений второй польской войны зимой 1633/1634 года. Так и повелось, что в дальнейшем Лермонтовы доказывали свою верность принявшей их России в основном на ратной службе.

«Георг положил прочное начало процессу обрусения своей фамилии, решив навсегда остаться в Московском государстве и получив Галичское поместье (в Костромской области); сын этого Георга, Петр, окончательно закрепляет обрусение Лермонтовых, сделав второй и решительный шаг в этом направлении: в 1653 году он крестился в православную христианскую веру», – писал В. Сторожев в 1894 году. А фамилию Лермонтовых род получил в 1690 году, когда внуки Петра – Юрий Петрович и Петр Петрович – стали писаться как Лермонтовы

(вместо Лермонт). Прадед поэта Петр Юрьевич (как видим, все мужчины в роду носили два имени: Юрий и Петр, что станет в дальнейшем одним из камней преткновения между отцом и бабушкой поэта) в 1740 году поступил учиться в Сухопутный шляхетский корпус, а в 1745 году по болезни был отставлен из капралов подпоручиком.

Сызмальства получил военное образование и отец поэта, Юрий Петрович, учившийся в петербургском Первом кадетском корпусе. Военная служба его началась в 1804 году, когда в чине прапорщика он был выпущен в Кексгольмский пехотный полк, где позднее он служил и воспитателем. В 1811 году он был отправлен в отставку по болезни в чине капитана и с мундиром. В 1812 году вступил в Тульское дворянское ополчение, в 1813 году был на излечении в Витебске. Со своей будущей супругой он познакомился в селе Васильевском Орловской губернии в конце 1811 – начале 1812 года.

Биограф Лермонтова Н.Л. Бродский указывал, что свадьба состоялась в начале 1814 года. В мае того же года они уже жили в Москве, откуда выехали на лето в Тарханы. Однако слабое здоровье беременной сыном Марии Михайловны (она родилась «ребенком слабым и болезненным и взрослою все еще глядела хрупким, нервным созданием», как писал П.А. Висковатов) заставило их вновь приехать в Москву. Рождение наследника ожидалось именно здесь, недаром будущая бабушка Елизавета Алексеевна распорядилась выслать в Москву двух кормящих крестьянок.

Все произошло в доме Толя в начале октября: «Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил», как значилось в метрической книге храма Трех Святителей у Красных ворот, где поэт был крещен 11 октября. Кормилицей младенцу стала крепостная крестьянка Лукерья Алексеевна Шубенина, выкармливавшая в это время еще и свою родную дочь Татьяну, ставшую молочной сестрой Лермонтова.